

Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России)

Б. А. УСПЕНСКИЙ

К 300-летию Санкт-Петербурга

1. Очевидно, что Европа – понятие не столько географическое, сколько культурно-историческое и идеологическое. Мало кто знает, например, что с географической точки зрения центром Европы является Вильнюс, столица Литвы; с культурно-исторической точки зрения это скорее периферия Европы. Когда мы говорим о Европе, мы едва ли имеем в виду Турцию и Казахстан: вместе с тем, строго говоря, они могут считаться европейскими странами, поскольку определенная часть их территории принадлежит Европе.

2. Обратимся к России.

Принадлежит ли Россия Европе? С географической точки зрения этот вопрос предполагает, несомненно, положительный ответ. Правда, большая часть России относится к Азии, однако центральная – наиболее репрезентативная – ее часть находится в Европе (и в этом разница между Россией и Турцией, не говоря уже о Казахстане); исторически Россия представляет собой европейскую страну, которая распространила свои границы, выйдя за пределы Европы. Азиатская часть России относится к ее периферии и, собственно, не называется Россией. Жители Сибири могут сказать "поехать в Россию" точно так же, как жители окраины Москвы говорят "поехать в город".

Равным образом с культурно-исторической точки зрения принадлежность России к Европе не вызывает никакого сомнения: русская культура – несомненно, культура европейская, русская литература, музыка и изобразительное искусство представляют собой выдающиеся достижения европейской культурной традиции. Мы едва ли можем представить себе европейскую культуру без русской классической литературы и русской поэзии, без русского авангарда, русской симфонической музыки, русского балета и, наконец, русского театра и кино.

И, тем не менее, постоянно в нашем сознании присутствует вопрос: принадлежит ли Россия Европе? Этот вопрос поднимает Чаядаев в то время, когда, казалось бы, он менее всего актуален.

Почему же так? Откуда эти сомнения при кажущейся очевидности ответа на этот вопрос?

3. Распространение наименования, относящегося к некоторому культурно-историческому центру (т.е. представляющего некоторую культурно-историческую традицию), может основываться вообще как на принципе метонимики, так и на принципе метафоры. Соответственно, как мы увидим, имя "Европа" может пониматься и как метонимия, и как метафора.

В первом случае речь идет о культурной экспансии, в результате которой, имя относящееся к центру, распространяется на периферию. Это естественный процесс.

В другом случае речь идет о культурной ориентации. Это искусственный процесс.

Вот два примера, иллюстрирующие оба случая.

Пример первый. В X в. Île de France, феодальный домен Гуго Капета, становится центром страны, которую мы называем Францией; так появляется имя "Франция" как название страны.

Пример второй. При освоении Нового и Новейшего Света (Америки, Австралии, Новой Зеландии) города и области очень часто называются так же, как европейские: мы видим отчетливое стремление перенести на новые области европейское культурное пространство. Так, мы имеем здесь Новый Йорк (New York; первоначально он назывался Новым Амстердамом), Новую Англию, Новую Зеландию и т.п., а в дальнейшем мы встречаем в Америке такие названия, как Итака, Сиракузы, Санкт-Петербург и т.п. Том Сойер, знаменитый герой повести Марка Твена, жил в городке, который носил название столицы Российской империи (Санкт-Петербург); город с таким названием есть во Флориде, но город Тома Сойера находится на берегах Миссисипи – по-видимому, автор считал, что это типичное название американского города. Когда я попал в Америку, я познакомился – на крыше нью-йоркского Metropolitan Museum – с милой пожилой дамой, которая спросила меня, откуда я, и, узнав, что я из Москвы, осведомилась, в каком это штате: она была уверена, что Москва – один из американских городов.

Очевидна разница между этими двумя случаями: в одном случае мы наблюдаем естественный процесс культурной экспансии, в другом – искусственный процесс культурной ориентации. В первом случае имеет место метонимия, в другом – метафора. В одном случае действуют силы центробежные (принцип метонимики), во втором – центростремительные (принцип метафоры).

Заметим, что в случае метафоры (метафорической топонимики, свидетельствующей о культурной ориентации) мы часто встречаем эпитет "Новый", ср.: Новый Йорк (New York), Новый Амстердам (Nieuw Amsterdam как старое название Нью-Йорка; Nouvelle Amsterdam как название острова в Индийском океане), Новый Орлеан (New Orleans), Новый Лондон (New London; в Соединенных Штатах есть несколько городов с таким именем), Новая Франция (Nouvelle France; так назывались французские земли в Канаде до 1763 г.), Новая Англия (New England), Новая Шотландия (Nova Scotia; провинция в Канаде) с городом Новый Глазго (New Glasgow), Новый Южный Уэллс (New South Wales), Новая Зеландия (New Zealand), Новая Кaledония (Nouvelle Calédonie), Новая Джорджия (New Georgia; остров в группе Соломоновых островов), Новая Гвинея (New Guinea или Nieuw Guinea), Новая Ирландия и Новая Британия (New Ireland, New Britain; острова в архипелаге Бисмарка; ранее они назывались, соответственно, Новым Мекленбургом и Новой Померанией: Neumecklenburg, Neupommern), Новая Испания (Nueva España; испанская колония около Мехико, основанная в 1522 г.), Новая Галиция (Nueva Galicia; область к востоку и северу от Мехико), Новая Гранада (Nueva Granada; испанская колония в Южной Америке, образованная в 1538 г.), Новая Сибирь (остров в архипелаге Новосибирские острова), Новый Брауншвейг (New Brunswick), Новый Джерси (New Jersey), Новый

Гемпшир (New Hampshire), Новая Мексика (New Mexico), Новые Гебриды (New Hebrides) и т.д. Такого рода названия могут повторяться: так, "Новой Англией" называется с 1614 г. исторически сложившийся район в северо-восточной части Соединенных Штатов, но точно так же называлась территория на северном берегу Черного моря, отданная византийским императором Алексием своим английским телохранителям во второй половине XI в.; города на этой территории (*Nova Anglia*) повторяли названия английских городов: Лондон, Йорк и т.п.

Между тем в случае метонимии (метонимической топонимики, свидетельствующей о культурной экспансии) мы обычно встречаем эпитет "Большой" ("Великий"). Например, имя Бостон, представляющее собой название города, может распространяться на пригороды, и мы говорим о Большом Бостоне (Greater Boston). Такого рода примеры широко представлены в топонимии. Так название Бретани в результате колонизации распространилось на Англию, и отсюда объясняется название Великобритания, т.е. Великая Британия (впоследствии это название было переосмыслено в связи с объединением Англии и Шотландии в 1707 г.). Точно так же южная Италия с изначально греческим населением традиционно называется "Великой Грецией" (*Magna Grecia*). В 1819–1830 гг. в ходе борьбы испанских колоний за независимость в Южной Америке была образована республика Великая Колумбия, центральную часть которой составляла собственно Колумбия.

То же имело место и в истории России: понятие Руси первоначально относилось к Киеву и землям вокруг Киева. Северорусские земли изначально Русью не назывались; в дальнейшем они могли относиться к Великой Руси, подобно тому, например, как пригороды Москвы, не принадлежащие собственно к Москве, могут называться сегодня "Большой Москвой". Так, в византийском списке епархий (*Notitia episcopatuum*) второй половины XII в. перечисляются епархии, относящиеся к митрополии τῆς μεγάλης Ῥωσίας, т.е. "великой Руси", и в их числе называются Новгород, Смоленск, Сузdalь.

Отсюда название "великой Руси" (μεγάλης Ῥωσίας) становится равнозначным названию "всей Руси" (τᾶσσας Ῥωσίας), которое входило в титул киевского митрополита, управляющего всеми русскими территориями (по крайней мере со второй половины XII в. он именуется "Киевским и всей Руси"). Противопоставление "Руси" и "Великой Руси" при этом не является взаимоисключающим, однако "Русь" выделяется из "Великой Руси" как маркированная часть ее территории. На этом этапе понятие "Руси" имеет двойное значение: название "Русь", с одной стороны, соотносится с киевской землей, с другой же стороны, выступает как общее понятие. Семантически (по объему понятия) "Русь" включает в себя "Великую Русь", при том что физически (по охвату территории) соотношение оказывается обратным.

В дальнейшем – после перенесения митрополии из Киева во Владимир в 1299 г. – понятие "Великая Русь" начинает означать не "всю Русь", но то, что не относится к "Руси" как таковой, т.е. прежде всего северорусские территории. Поскольку понятие "Великая Русь" начинает ассоциироваться с северными территориями и поскольку территории эти приобретают все большее значение, то, что ранее называлось "Русью", начинает именоваться "Малой Русью". Так появляется название "Малая Русь" ("Малороссия") – оно явно образуется по контрасту с "Великой Русью", что свидетельствует о том, что принимается именно перспектива "Великой Руси". В итоге оппозиция "Руси" и "Великой Руси" претворяется в противопоставление "Малой Руси" и "Великой Руси". Украинцы воспринимают название "Малороссия" как обидное (уничижительное) и предпочитают название "Украина", хотя оно, в сущности, означает то же самое: "Украина" означает окраину, периферию, противопоставленную центру. Как в названии "Малая Русь", так и в названии "Украина", прослеживается одна и та же идея: идея периферии; в обоих случаях это означает мену центра и периферии: центр (то, что называлось некогда "Русью") стал периферией ("Малой Русью" или окраиной – "Украиной"), а периферия – центром.

В результате понятие "Русь" становится общим понятием не только по отношению к Великой Руси, но и по отношению к Малой Руси. В этих условиях, например, о Суздале можно сказать и то, что это "Русь", и то, что это "Великая Русь" (но нельзя сказать, что это "Малая Русь"); равным образом о Чернигове можно сказать и то, что это "Русь", и то, что это "Малая Русь" (но нельзя сказать, что это "Великая Русь"). Таким образом, понятия "Русь" и "Великая Русь", с одной стороны, "Русь" и "Малая Русь", с другой, не исключают друг друга (они противопоставляются как общее и частное понятие), при том что понятия "Великая Русь" и "Малая Русь" оказываются взаимоисключающими. Иначе говоря: все, что можно назвать "Великой Русью", можно назвать и просто "Русью", однако обратное неверно; все, что можно назвать "Малой Русью", можно назвать и просто "Русью", но обратное неверно.

Заметим, что, в то время как в киевской перспективе Русь, включающая в себя северные земли, именовалась "Великой Русью", в скандинавской перспективе Русь (как в собственном смысле, так и с прилегающими землями) могла называться "Великой Швецией" (*Svipjöf hinn mikla*). В обоих случаях слово, обозначающее "великий", имеет одно и то же значение: значение периферии, относящейся к центру.

Топонимическая модель с названием "Великий", как правило, относится вообще к области колонизации, а не к митрополии. Например, Великобритания называется так относительно материковой Британии, Великая Греция – относительно исторической Греции, Великая Колумбия – относительно исторической Колумбии, Великороссия – относительно Руси изначальной (которая лишь под воздействием своего коррелята становится Малороссией).

4. Итак, распространение названия (топонима) – усвоение традиционного термина, относящегося к некоторой первоначальной (исходной) территории, – может иметь характер либо метонимии либо метафоры. Когда Англия называется Великобританией, перед нами метонимия. Когда город в Америке называется Новым Орлеаном или Новым Йорком, налицо метафора.

Когда мы употребляем эпитет "Великий" (например, когда мы говорим Великая Россия или Великобритания), подразумевается, что имело место – по крайней мере изначально) отождествление некоторой периферийной территории с историческим центром.

Когда же мы употребляем эпитет "Новый" (например, Новая Зеландия и т.п.) речь идет не об отождествлении, а об уподоблении (которое вообще, по Аристотелю, лежит в основе метафоры). Но уподобление предполагает изначальное противопоставление сопоставляемых явлений: мы можем уподоблять друг другу лишь то, что признается разным.

Поэтому, когда мы определяем что-то (в частности, какое-то место) как "новое", оказывается естественным охарактеризовать соотнесенное (противопоставляемое) понятие как "старое". Так после открытия "Нового Света" (Америки), Европа начинает называться "Старым Светом". Совершенно аналогично после появления "Нового Завета" еврейская Библия понимается как "Ветхий Завет"; после Французской революции предшествующий порядок получает название "старого режима" (*ancien régime*); после введения греко-римского календаря, который определяется как "новый стиль", юлианский календарь именуется "старым стилем", и т.п.

Напротив, когда мы определяем нечто как "великое", мы обычно не определяем противоположное понятие как "малое". (Искключение представляет название "Малороссия", но это особый случай, который объясняется меной центра и периферии на русской территории, см. выше.)

В случае метонимического наименования встает проблема центра и периферии, в случае наименования метафорического – проблема нового и старого: вообще метонимия основывается на отношениях в пространстве, тогда как метафора предполагает отношения во времени. В отличие от отношения центра и периферии отношения нового и старого в принципе строятся на отрицании и имеют

характер взаимоисключающей оппозиции: здесь всегда предполагается противостояние. Когда Константин Великий в 330 г. основывает новую – христианскую – столицу Римской империи, которая получает название "Нового Рима" (одновременно она называется Константинополем), Новый Рим оказывается противопоставленным Старому Риму как христианский город – языческому (а впоследствии как православный город – католическому). То же самое происходит после Флорентийской унии 1438 г. и последующего падения Константинополя в 1453 г. (которое воспринималось православными как следствие унии с католиками – как наказание греков за измену православию), когда на Руси формируется представление о Москве как Третьем Риме или Новом Константинополе. Москва как Новый Рим и Новый Константинополь противопоставляется как первому (ветхому) Риму, так и первому Константинополю (второму Риму) как город, сохранивший православную традицию, – городам, ее утратившим. В обоих случаях перед нами метафора, и это отчетливо проявляется в эпитеце "новый". И в обоих случаях четко обозначается взаимоисключающее противопоставление, характерное именно для метафорической номинации.

5. Остается заметить, что само наименование Европы представляет собой не что иное, как метонимию: ведь Европой первоначально называлась Греция, причем континентальная Греция (в отличие от "Азии", т.е. островов Эгейского моря и Ионического побережья Малой Азии). Потом постепенно это название распространяется на другие земли – сначала соседние, потом соседний с соседними и т.п. – по принципу метонимического обозначения. Первые ионийские географы, такие как Анаксимандр, называли "Европой" территорию к северу от Средиземного моря, тогда как область к югу от него называлась "Азией". Таким образом противопоставление Европы и Азии первоначально шло не по линии Запада – Востока, а по линии Севера – Юга.

6. Возвращаясь к России, можно сказать: Россия может считаться Европой не как метонимия, а как метафора. Речь идет не об экспансии Европы как исторического культурного (цивилизационного) центра на прилегающие территории, а о сознательной ориентации на Европу, т.е. о процессе, имеющем искусственный характер. Иначе говоря, речь идет, не о центробежном, а о центростремительном процессе.

Если бы речь шла о последовательной экспансии, Россия могла бы быть определена как Великая Европа, т.е. область на периферии Европы, на которую постепенно распространяется европейская культурная модель. Это был бы процесс постепенной и последовательной эволюции, и он был вполне возможен (напомню, что европеизация России начинается при Борисе Годунове и затем продолжается при Лжедмитрии; этот процесс возобновляется после Смутного времени, особенно во второй половине XVII в.). Этому помешали реформы Петра I, которые имели не эволюционный, а революционный – не естественный, а искусственный – характер. В результате Европа становится для России не метонимией, а метафорой: вместо того, чтобы стать органической частью "Великой Европы", Россия становится "Новой Европой".

Но сознательная ориентация предполагает противостояние между Россией и Европой: сама ориентация на Европу предполагает, что Россия изначально Европой не является.

Именно эта идея заложена в основе петровских реформ.

То, что я говорю, может показаться парадоксом. Петр I вошел в историю как культуртрегер, европеизатор России. Принято считать, что в результате петровских реформ Россия усваивает европейские культурные ценности и становится европейской страной. Я же утверждаю, что одновременно Петр создает культурное противостояние между Россией и Европой, которого – по крайней мере в этой форме – не было раньше. По образному выражению Пушкина (восходящему к высказыванию Альгаротти), Петр "в Европу прорубил окно". Продолжая этот образ, я бы сказал,

что для того, чтобы прорубить окно в Европу, Петру необходимо было воздвигнуть стену, отделяющую Россию от Европы.

7. Эта искусственность петровских реформ проявляется с самого их начала. Примечательно, что реформы эти имеют отчетливо выраженный семиотический характер: Петр начинает с усвоения з на к о в, предполагая, очевидно, что содержание должно прийти вслед за формой (это типично вообще в том случае, когда цивилизационный процесс имеет характер м е т а ф о р и ч е с к о г о уподобления). Такого рода искусственность определяет все последующее развитие России: знаки опережают содержание, и именно поэтому Ленину могла в дальнейшем прийти в голову безумная мысль устроить антикапиталистическую революцию (реализовать идеи Маркса) в промышленно отсталой, аграрной стране. Как начинания Петра, так и начинания Ленина имели явно выраженный утопический характер: они основывались не на том, что есть, а на том, что должно быть.

25 августа 1698 г. молодой царь Петр возвращается из-за границы; он полтора года путешествовал по Европе (Пруссия, Швеция, Курляндия, Голландия, Англия, Австрия) под именем урядника Петра Михайлова, и это был первый случай, когда царь покинул свою страну. Уже на следующий день после своего приезда Петр начинает собственоручно резать бороды русским боярам, заставляя всех переодеться в иностранное платье. Это должно было символизировать начало нового – европейского – этапа русской истории. В дальнейшем ношение бороды и русского платья означало выключение из общества: дворянин, отказавшийся сбрить бороду или предпочитавший носить традиционную одежду, терял дворянство.

По существу, трудно найти что-либо европейское в этом акте: это позиция туземца, который ряится в платье белого человека.

Такого рода действия очевидным образом символизируют стремление к Европе; но одновременно они создают не менее очевидное противостояние между Россией и Европой, которую отличает как раз приверженность к традиции. Переодевание в немецкое платье не делает русского немцем, но, напротив, усугубляет различие между ними. В самом деле, есть очевидная разница между немцем, который носит немецкое платье, и русским, который вдруг по приказу монарха начинает такое платье носить. Это примерно такая же разница как между немцем, который говорит по-немецки (на своем языке), и иностранцем, который говорит по-немецки как на чужом языке. Иностранец, говорящий на чужом языке, не свободен, он поневоле должен ориентироваться на носителя языка, который по определению всегда прав, который имеет естественные навыки речи и – естественным образом – знает, как надо сказать. В некотором смысле разница между немцем, говорящим на немецком языке, и русским, говорящим на немецком языке, – не меньше, а больше, чем разница между немцем, говорящим на немецком языке, и русским, говорящим на русском языке, – ведь каждый из них в этом последнем случае говорит на своем родном языке!

8. Переодевание в иностранное платье создает своеобразный эффект маскарада. Следует иметь в виду, что европейское платье воспринималось в допетровской культуре как маскарадное (и, в частности, бесы на иконах изображались в немецкой одежде). Русский дворянин, оказавшись побритым и переодетым, на первых порах чувствовал себя ряженым. Вместе с тем традиционное русское платье в петровских карнавалах выступало как платье шутовское.

Так в России появляются две культуры: традиционная, которая объявляется обветшавшей и невежественной, и новая, провозглашенная просвещенной и прогрессивной. Каждая из них воспринимает другую как шутовскую, карнавальную. С одной стороны, в петровских шутовских церемониях появляются шуты в русском народном платье, с другой стороны, в русских народных обрядах можно нарядиться

чертом, надев немецкое платье (ср. образ черта в немецком платье у Гоголя в "Ночи перед Рождеством").

Русская (светская) жизнь оказывалась необычайно карнавализированной. Карнавал становился частью придворной культуры: участие в нем было обязательным. Царь считал необходимым принимать участие в подобных церемониях: это была часть культурной программы, обязательной для его окружения. Маски могли носить даже в официальных учреждениях (в присутственных местах), что поражало иностранцев: известны случаи, когда по распоряжению Петра все сенаторы и члены коллегий должны были являться на службу в масках; мы можем представить себе, как выглядело заседание Сената – что-то, похожее на сон Татьяны в "Евгении Онегине"... Вначале потехи приурочивались к русским праздникам святок и масленицы – традиционному времени карнавальных увеселений, – но постепенно они выходят за эти пределы, распространяясь вообще на все времена.

9. Характерным образом реформы Петра I, призванные европеизировать Россию, обычно начинаются именно с карнавальной игры. Так "потешные" войска, созданные в начале 1680-х гг. для "военных потех" царевича Петра, положили начало образованию регулярной армии: можно сказать, что военная реформа начинается с игры в солдатики. Точно так же церковной реформе Петра, в результате которой отношения церкви и государства были ориентированы на европейскую модель, принятую в протестантских странах, – предшествовали шутовские церемонии Всепьянейшего собора; можно сказать, что церковная реформа начинается с непристойной и кощунственной пародии на церковь. Точно так же, наконец, пародирование традиционного облика русского царя на шутовских свадьбах предвосхищало принятие Петром императорского титула – когда Петр провозглашает себя "императором", и "отцом отечества" (*pater patriae*) – так, как назывались римские императоры (и это при том, что слово *царь* собственно и означало "император"!). Одновременно Петр называет себя "Великим", наподобие Карла Великого и Константина Великого, и "Первым": он именует себя "Великим" и "Первым" потому, что в истории под таким именем фигурируют западные монархи (и в дальнейшем императоры Павел, Александр и Николай называют себя "Первыми" при том, что Павел II отсутствует в русской истории, а Александр II и Николай II появляются значительно позже).

Все это разительно напоминает ребенка, который изображает взрослого.

Переодевание, переименование – все это было проявлением общей культурной политики, свидетельствующей об искусственном характере европеизации России. Появляются новые имена городов, составленные из иностранных слов, – такие, как Санкт-Петербург, Шлиссельбург и другие. Ранее подобные названия воспринимались как "потешные", игровые (ср. "потешный городок" Пресбург, который строит молодой Петр в Преображенском); теперь же так называется новая столица Российского государства.

Новой одежде, новым наименованиям отвечает и новая азбука: собственноручно создавая русскую гражданскую азбуку, Петр отталкивается от традиционных начертаний славянских букв, приближая их к латинским начертаниям. В изменении формы букв по существу не было никакой необходимости: буквы переодеваются в европейское платье, подобно тому, как переодеваются в него и люди.

10. Петр начинает строительство новой – европейской – России со строительства Санкт-Петербурга. Новая столица нового государства строится как европейский город с именем, как град святого Петра, что не может не напоминать о Риме; характерно, что герб Петербурга содержит трансформированные элементы герба папской столицы ("Claves Ecclesiae Romanae"), который отразился в современном гербе Ватикана (так, перекрещенным ключам в гербе Ватикана соответствуют перекрещенные же якоря в гербе Петербурга; расположение якорей лапами вверх отчетливо выдает их происхождение – ключи в гербе римского папы также повернуты бородками

вверх). Таким образом, герб Петербурга семантически соответствует имени города: имя и герб предстают как словесное и визуальное выражение одной общей идеи.

Замечательно при этом, что новая столица будущей империи строится не в центре страны, а на ее периферии – на ее западной границе. В этом смысле Петербург противопоставлен Москве, которая находится именно в центре России. Это едва ли не уникальный случай, но интенции Петра понятны: на Западе своего государства он создает своего рода европейский анклав, который призван затем распространяться на всю страну. Противопоставление Запада и Востока, Европы и Азии переносится, таким образом, на саму Россию.

При этом, наряду со строительством каменного Петербурга, призванного олицетворять собой новую Россию, Петр накладывает по всей стране запрет на строительство каменных зданий (1714 г.). Тем самым фактически создается не только образ Петербурга, но и образ деревянной, нецивилизованной России как ее антипода: Петербург мыслится как будущее России, но при этом создается не только образ будущего, но и образ прошлого ее состояния – образ, вообще говоря, не вполне соответствующий действительности (Москва называлась ранее "белокаменной", теперь же она должна восприниматься как деревянная). Создание новой культуры предлагало сознательную дискредитацию старой: новое создается за счет старого, как его антипод.

Запрет на строительство каменных зданий аналогичен запрету монахам заниматься литературной деятельностью: указом Петра от 31 января 1701 г. монахам запрещалось держать перья и бумагу, и такого рода запрещение вошло затем в прибавления к "Духовному регламенту" (1722 г.). В допетровской России монастыри были культурными центрами, монахи занимались литературным трудом, и это даже могло входить в монашеское правило (т.е. в иноческий обет). Теперь монастыри могут восприниматься как центры традиционной, невежественной культуры, и монахам (если они не вписываютя в новый государственный порядок) вообще запрещается писать. Все это мало напоминает европеизацию: налицо всего лишь явное стремление подражать Европе...

Так, наряду со строительством новой России создается "анти-Россия", символизирующая старую, традиционную культуру. С точки зрения новой России, старая Россия – "анти-Россия", а с точки зрения старой, – "анти-Россией" является именно новая культура. В результате появляются две культуры-антитипода, антагонистически противопоставленные друг другу.

В "Войне и мире" Толстого есть сцена (психологически очень верная), где Наташа Ростова попадает в крестьянскую деревню и крестьяне рассматривают ее как куклу, как ряженую: они ее трогают, щупают платье, обсуждают, не стесняясь ее присутствием. С точки зрения новой России, ряжеными становятся крестьяне, с точки же зрения старой России, ряженые – дворяне. И это – результат сознательной культурной политики: результат противостояния, которое создается реформами Петра и определяется именно искусственным характером этих реформ.

Ничего похожего не было ни во Франции, ни в Германии: это специфика России – России, созданной Петром.

В дальнейшем, когда под влиянием идей Гердера и Гегеля о "народном духе" (*Volksgeist*) появляется концепция народа как движущей силы истории, в России под "народом" понимается нечто отличное от того, что имеет место в Западной Европе: понятие народа оказывается противопоставленным понятию цивилизации. Это определяет особую роль и специфическую функцию русской интеллигенции как связующего звена между народом и цивилизованным обществом.

11. Как видим, стремление к европеизации русской культуры на деле совсем не всегда приводит к уподоблению Западу: в целом ряде случаев отличия России от Запада могут быть обусловлены именно тем, что здесь имеет место импорт западной культуры, подражание западной культуре. Русская культура после Петра отличает-

ся повышенной семиотичностью, она ориентирована на знаки: усваиваются новые формы выражения с тем, чтобы воссоздать соответствующее им содержание. В обычном случае содержание порождает выражение; в данном же случае, напротив, выражение призвано породить содержание.

Такого рода ориентация на Западную Европу может приводить к парадоксальным результатам. Так в XVIII в. в России наряду с идеями Просвещения утверждается крепостное право, основанное на личной прикрепленности крестьянина к помещику (а не к земле, которая находится в распоряжении помещика). В результате становится общепринятой продажа крестьян без земли, практикуется разлучение семей, вообще закрепощение крестьян в самых бесчеловечных формах. Продажа крестьян без земли фактически начинается во второй половине XVII в., однако именно в XVIII в. она становится массовой практикой. Это определяется бюрократическими реформами Петра I (переписью населения и подушным податным обложением), при которых крестьяне и холопы были вписаны в одну общую рубрику; в результате крестьяне оказались на положении рабов. Нельзя не видеть здесь общий процесс бюрократической централизации и модернизации, обусловленный в конечном счете стремлением к европеизации русской бюрократической системы (перепись населения выступает как элемент бюрократизации системы, сокращения рубрик – ее модернизации). Не последнюю роль в отношении Петра к крепостному праву могло играть то обстоятельство, что крепостное право существовало у непосредственных за пределами соседей России – в Пруссии и Польше.

Следует также иметь в виду, что после петровских реформ резко снижается грамотность населения. В допетровской Руси население было в основном грамотным (имеется в виду прежде всего обучение чтению: элементарная грамотность входила в процесс религиозного образования). В результате реформ Петра и его последователей, направленных на европеизацию образования в России, подавляющее большинство крестьянского населения оказывается безграмотным.

Итак, Петр создает европейскую Россию, но одновременно он создает и противоположный образ России – России азиатской, невежественной, непросвещенной. Таким образом, он создает противостояние между своим и чужим, определяющее дальнейшее развитие русской культуры и русской истории.